

ФОРМА ЛЕВОГО ВЕТРА

МАРК ВЭЙЛЕР

Марк Вэйлер

Форма левого ветра

<https://litres.ru/74070443>

SelfPub; 2026

Аннотация

В Сыром Венце, городе мокрых причалов, цеховых долгов и ветровых механизмов, в мастерскую перед рассветом приносят повреждённого автомата — медного ската с треснувшим сердечником. По документам это обычная авария на третьем причале. По словам мастера — опасный механизм нужно срочно разобрать.

Но подмастерье Марта Лесничая слышит в его голосе то, чего в машине быть не должно: чужой страх, обрывки памяти и имя, известное только её умершей матери.

Чтобы сохранить след аварии, Марте придётся выбрать между долгожданным правом стать мастером и правдой, которая может уничтожить не только её будущее, но и весь цех. В мире, где воздух помнит форму событий, даже молчание оставляет след.

Марк Вэйлер

Форма левого ветра

Ветрового автомата привезли перед рассветом, когда в низкой мастерской ещё горели ночные лампы, а копоть оседала на потолочных балках чёрной бахромой. Двое артельных грузчиков внесли его на дверном полотне, как несут утопленника: осторожно, но с досадой, потому что вещь тяжёлая, мокрая и чужая.

Автоматон был сделан в форме медного ската. Он лежал на боку, распластав погнутые крылья. Одно парусное крыло было порвано до рёбер, второе вздрагивало от каждого сквозняка. Из трещины в грудной пластине тянуло холодом. Не зимним, не уличным, а таким, какой бывает в пустом колодце: воздух без запаха, но с памятью о глубине.

Марта Лесничая подняла лампу выше.

На пластине ещё держалась печать Егора Клина: клин между двумя завитками ветра. Печать почернела от солёной воды. Под ней мелко дрожали медные рёбра, и в этой дрожи Марта узнала не обычную поломку, а попытку удержать форму.

— В журнал записали? — спросила она у старшего грузчика.

Тот вытер ладонь о мокрый рукав. От него пахло пенькой, рыбьим жиром и ночным страхом, который человек пытается

ся выдать за усталость.

— Записали, что изделие цеха Клина сорвалось с третьего причального крана. Остальное к зрителю. Нам сказали доставить и не болтать.

— Кто сказал?

— Артельный десятник. А ты, девка, чинить будешь или допрашивать?

Марта промолчала. Она не имела права допрашивать. У неё не было печати, только набор тонких ключей, три собственноручно переплетённых щупа для ветровых жил и долг в цеховой книге, занимавший две строки плотным почерком зрителя.

Долг за обучение. Долг за жильё над мастерской. Долг за инструменты, которые ей выдавали каждое утро и забирали на ночь, будто руки Марты тоже были имуществом цеха.

Грузчики ушли, оставив на полу лужу с волокнами пеньки. За дверью гудели канаты: город просыпался, и крыши Сырого Венца отвечали ветру короткими деревянными стенами.

Марта опустилась рядом с медным скатом. В наряде на поставку он значился как «Прибойный помощник номер семь». Богатые заказчики любили длинные названия, чтобы вещь казалась послушнее.

— Номер семь, — сказала она, проверяя замки пластины. — Я открою грудную раму. Если сердечник цел, ты ещё полетаешь.

Крыло дрогнуло. Из трещины вышел сухой шорох, похожий на звук, с каким кожа мехов расправляется после долгого сжатия.

— Марточка, не доставай свет.

Ключ выпал у неё из пальцев и звякнул о медь.

Так её называла мать, когда Марта была совсем мала и ещё думала, что всякая игрушка хочет летать сама, а взрослые только помогают ей подняться. Мать умерла до того, как Марта пришла в цех. В мастерской этого имени не знал никто: здесь она была Лесничая, подмастерье, иногда «руки», если Егор Клин торопился.

Марта знала, что повреждённые сердечники иногда хватают ближайшее живое тепло, как мокрая ткань хватается дым. Целый сердечник держал только заданный поток. Треснувший начинал хватать всё живое рядом. Но одно дело — запах, движение, обрывок голоса. Другое — имя, которым её называла только мать.

— Кто тебя так настроил? — тихо спросила Марта.

— Пахнет мокрой пенькой, — ответил автоматон.

Голос не шёл из горла. Его собирали меха в грудной раме, проталкивая воздух через треснувшие щели.

— Он снова поднимает левую балку. Скажи ему, пусть не тянет. Узел скользит.

Марта не двинулась. Мокрая пенька лежала у порога, принесённая сапогами грузчиков. Ветровой помощник не мог нюхать. У него не было ноздрей, лёгких, языка. Были меха,

стеклянный сердечник и ветровые жилы, которые помнили форму потока.

Но страх в его голосе был не механическим.

Дверь мастерской распахнулась, и вместе с дождём вошёл Егор Клин. На нём был тёмный плащ с медной застёжкой мастера. Борода намочила и сбилась в острые пряди. Он оглядел пол, автомата, Марту на коленях, выпавший ключ.

— Уже говорил?

Марта подняла ключ.

— Он назвал меня именем, которого не мог знать.

— Обрывок из чьей-то настройки. После грозы сердечники хватают всякий мусор.

Клин снял перчатки и бросил их на верстак.

— Наряд на разборку у зрителя. До полудня от изделия должны остаться узлы, меха и стекло. Городская служба придёт к вечеру, а нам не нужно, чтобы они нашли в нашем механизме чужие руки.

— Чужие?

Клин посмотрел на неё так, как смотрят на ученицу, забывшую своё место при посторонних.

— Пристань перегружает краны третий месяц. Артель экономит на противовесах, а потом валит на цех. Ты сделаешь опись повреждений. Я подпишу.

— Если есть признаки вмешательства после сдачи изделия, их надо показать службе.

— Ты теперь служба?

Он сказал это негромко. От негромких слов Егора в мастерской обычно становилось теснее. Марта почувствовала на языке соль: то ли от морского воздуха, то ли от того, что прикусила губу.

— Я могу описать, что вижу.

— Можешь. В моём черновике. Под моей печатью.

Клин подошёл ближе и положил ладонь на грудную пластину автомата, закрыв пальцами потемневший знак.

— А можешь наконец получить свой угол. Смотритель вчера спрашивал, готова ли ты к малой печати. Я сказал: почти. Не заставляй меня менять ответ.

Почти.

Это слово жило в Марте шесть лет. Почти мастерица. Почти свободна. Почти имеет право брать заказ не от имени Клина, а своим именем. Она представляла собственную вывеску столько раз, что могла вспомнить каждый гвоздь в ображаемой двери: «Марта Лесничая. Ветровые игрушки, малые механизмы, ремонт почтовых журавлей».

Медный скат под ладонью Егора затих. Только левое крыло продолжало мелко дрожать.

— До полудня, — повторил Клин. — Начни с сердечника. Если он треснул, память всё равно сгниёт.

Он ушёл в заднюю комнату, где хранилась цеховая книга и мастерская печать. Запирать инструменты или отгонять Марту от автомата Клин не стал. В этом была вся его уверенность: шесть лет долга, койка над мастерской и обещан-

ная малая печать держали крепче любого замка.

Марта осталась с медным скатом и с собственным «почти», которое вдруг стало похоже на поводок.

Она открыла наряд. Бумага была свежая, чернила ещё отдавали кислым железом купороса. «Разборка вследствие непригодности после аварии. Исполнитель: подмастерье М. Лесничая. Ответственный мастер: Е. Клинь». Внизу оставалось место для времени начала работ.

Марта не поставила отметку.

Сначала она сняла внешнюю раму. Внутри, под погнутыми рёбрами, ветровые жилы лежали узлами: медная проволока, волоски серебристой конопли, тонкие полоски китового уса. В утверждённой схеме пристанного помощника жилы должны были идти крестом, чтобы поток распределялся на оба крыла. Здесь часть узлов была переплетена косой лестницей.

Марта знала эту лестницу.

Три года назад она предложила её Егору для игрушечных вихрянок: меньше меди, легче настройка, быстрый подъём на коротком потоке. На тяжёлом пристанном помощнике такая схема могла сработать только при пустом крыле. Под нагрузкой узел начинал тянуть сам себя и срезал поток к одной стороне.

Она коснулась проволоки щупом. Узел был старый, не аварийный. Соль въелась поверх патины. Значит, его поставили до ночи.

— Скажи левому не тянуть, — прошептал автоматон. — Я держу. Я держу. Марточка, у меня не хватает крыла.

— Ты помнишь кран?

— Пенька мокрая. Мужчина ругается. Другой смеётся. Балка идёт вверх. Узел скользит. Он сказал: «Дешёвая жила выдержит, если не перегружать». Потом удар. Потом вода в меня. Потом ты забыла красный бант.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.